Марина Ветрова ✦ Ольга Шиллинг

Измена мужа.

Ты женился на мне ради миллионов, а шейх выбрал меня по любви!

Ольга Шиллинг

Измена мужа. Ты женился на мне ради миллионов, а шейх выбрал меня по любви!

«Автор»
2026

Шиллинг О.

Измена мужа. Ты женился на мне ради миллионов, а шейх выбрал меня по любви! / О. Шиллинг — «Автор», 2026

Пять лет я верила, что у нас настоящий брак. Пока не открыла сейф мужа и не узнала страшное: Максим женился на мне ради финансовых махинаций. Моя подпись стала прикрытием его преступлений, а я — расходным материалом.Он заблокировал счета, выгнал меня из дома и предложил молчать.Но я аудитор. И умею находить ошибки даже в идеально выстроенной лжи.Влиятельный шейх Халид предлагает мне работу в Эмиратах. Вместе мы вскрываем тайные схемы, а за ними — опасную семейную историю.Максим уверен, что я сломаюсь.Как бы не так!Теперь он потеряет всё. А я впервые выберу себя, свободу и настоящую любовь.

© Шиллинг О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сейф 5
Глава 2. Замороженная 7
Глава 3. Тяжёлые двери 9
Глава 4. Условия клетки 11
Глава 5. Её таблицы поют 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Марина Ветрова, Ольга Шиллинг Измена мужа. Ты женился на мне ради миллионов, а шейх выбрал меня по любви!

Глава 1. Сейф

Сейф я открыла в четверг, в двадцать три сорок, потому что не могла уснуть, а рука сама потянулась к книжной полке, где муж пять лет держал коробку с «документами на гараж». Гаража у нас не было. Никогда. Это была первая строка отчётности, которая не сходилась, и я, как аудитор с одиннадцатилетним стажем, обычно такие строки замечала сразу. Но не в собственном доме. Не в собственной постели.

Замок щёлкнул слишком легко, будто ждал меня.

Внутри не было документов на гараж. Внутри лежала папка из плотного крафта, перевязанная резинкой, и сверху — записка почерком Максима, небрежная, домашне-фамильярная, та самая, которой он писал мне записки на холодильник: «Молоко — домой не позже девяти». Только на этой было два слова: «Не открывать».

Я открыла.

Первой шла копия нашего свидетельства о браке. Обычная, заламинированная, я держала такое же в шкафу. Я уже хотела улыбнуться — вот, бережёт, сентиментальный, — когда увидела вторую страницу. Соглашение. Юридическое, с печатями какой-то конторы на Тверской, с датой за месяц до нашей свадьбы. Пункт третий я перечитала четыре раза, и каждый раз слова складывались в одну и ту же невозможную конструкцию:

«Стороны подтверждают, что заключение брака носит вспомогательный характер в рамках совместной договорённости и не предполагает имущественных последствий для Стороны Б».

Сторона Б — я.

Дальше шло хуже. Дальше шла схема. Экспортная фирма Максима, «Восток-Логистик», контракты холдинга «Золотой полумесяц» — эмиратский трест, с которым Максим сотрудничал пять лет и из-за которого дважды в год улетал «на переговоры». Только по этим бумагам выходило, что контрактные цепочки закольцованы: товар шёл по бумагам, деньги шли по бумагам, и на каждом витке наша с Максимом совместная налоговая резиденция, наш общий адрес, наша фамилия в графе «семейное положение» делали схему красивой, чистой, не вызывающей вопросов. Меня использовали как строку в таблице. Как реквизит. Как штампик «семейный, проверенный, надёжный» в левом верхнем углу чужого отчёта.

Я сидела на полу кабинета, в пижаме, с холодным чаем на полу рядом, и листала страницу за страницей. Мои пальцы были абсолютно сухими — вот что я помнила больше всего. Не слёзы. Сухие пальцы и включённый автоматически в голове табличный курсор: дата, дата, сумма, расхождение, дата, расхождение.

Пять лет. Пять лет я гладила ему рубашки перед «переговорами», слушала про шейха Халида — «мужик-камень, Полин, ты бы видела, как он подписывает, как палач» — и верила. Я отказалась от повышения в московском офисе, потому что он просил: «Мне тяжело, когда тебя нет дома по вечерам». Я верила тяжело.

Телефон зазвонил в ноль тридцать. Незнакомый номер, но код — международный, ближневосточный. Я смотрела на экран, пока он звонил, а потом взяла, потому что в эту ночь я уже ничего не боялась.

— Полина Сергеевна Беликова? — голос был низкий, негромкий, с лёгким акцентом, ровный, как линия баланса.

— Да.

— Меня зовут Халид. Вы можете меня знать по документам вашего мужа как «камня-палача». — Пауза длиной ровно в один мой выдох. — Я не буду притворяться, что звонок неожиданный. Вы сейчас держите в руках папку, и мне нужно знать одну вещь.

— Какую?

— То, что вы держите, — оригинал. Единственный. Ваш муж слишком самоуверен, чтобы прятать копии там, где их ищут. Значит, он оставил его вам. Либо как залог доверия, либо как мишень. Скажите мне, Полина Сергеевна: вы аудитор или вы вдова брака?

Я посмотрела на бумаги, на свою девичью фамилию в графе «Сторона Б», на даты, которые теперь читались как приговор.

— Я аудитор, — сказала я. И это было первое честное предложение, которое я произнесла за пять лет.

— Тогда у меня к вам предложение, которое я изложу при встрече. Ваша подпись, кстати, стоит на одном подозрительно красивом договоре. Апрель прошлого года. Вы её узнаете, когда увидите. Оставьте папку там, где она лежит. Не копируйте, не пересылайте, никому не звоните — особенно мужу. Утром вам позвонят насчёт билетов.

— Почему я должна вам верить? — спросила я.

Тишина. Потом он сказал — спокойно, без нажима, отчего было страшнее:

— Потому что он женится на вас по схеме. А я предлагаю вам работу. Между этими двумя вещами обычно выбирают второе.

Он отключился.

Я сидела на полу до рассвета, и за окном серел снег, и я складывала в голове таблицу, где в графе «активы» была пустота, а в графе «обязательства» стояло слово «алиби». Моё. Пять лет — моё. Его — лучшее.

В семь тридцать в прихожей щёлкнул замок. Максим вернулся из командировки на день раньше. Я услышала, как он ставит чемодан, как насвистывает — он всегда насвистывал, когда был доволен, — и я положила папку обратно в сейф, закрыла его и вышла на кухню с лицом, которое тренировала всю ночь.

— Ты не спала, — сказал он, целуя меня в лоб. Пахло от него чужим аэропортом и чужим парфюмом, дорогим, не моим подарком.

— Читала, — сказала я. — Думала насчёт твоей поездки в Эмираты. Ты ведь в следующий раз берёшь меня с собой?

Он замер. На полсекунды. Аудитор замеряет такие паузы.

— Конечно, — сказал он и улыбнулся. — Давно хотела посмотреть на Дубай?

— Нет, — сказала я. — Давно хотела посмотреть, где меня используют как строку в отчёте.

Насвистывать он перестал.

Глава 2. Замороженная

За три дня моя жизнь превратилась в отчёт с жирными красными минусами.

Началось с телефона. Утром в пятницу банк прислал уведомление: «Операция отклонена». Потом ещё одно. К обеду обе мои карты — дебетовая и та, кредитка на моё имя, которую оформил Максим «для семейных расходов», — встали. Служба поддержки говорила стеклянным голосом: «Счёт заблокирован по заявлению держателя». Держатель — я. Я такого заявления не писала. Писал тот, кто имеет доверенности, о существовании которых я узнала, читая папку в сейфе.

Потом — паспорт. Мы хранили паспорта в комоде; к вечеру субботы их там не было. «Я отдал наши документы на переоформление, — сказал Максим за завтраком, не глядя на меня. — У нас будет двойное гражданство, это выгодно по налогам. Через две недели вернут». Он наливал себе кофе, и рука у него не дрожала. Рука вообще никогда не дрожала — вот почему я ему верила так долго: вруны обычно дрожат, а он был спокоен, как утверждённый баланс.

А в понедельник пришла Лариса Ковалёва, моя свекровь, женщина с голосом из реклам семейных ценностей и глазами человека, который никогда не платит по счетам сам.

— Полиночка, — сказала она, стоя в нашей прихожей — точнее, уже не нашей, потому что за её спиной дверь закрывали грузчики, — Максим рассказал мне всё. Я ничего не осуждаю, я вообще за то, чтобы женщин не втягивать в мужские дела. Соберём твои вещички — и ты поживёшь пока у подруги. У тебя же есть подруги?

— У меня есть прописка, — сказала я. — Это квартира в совместной собственности.

— Была совместная, — Лариса поправила на мне взгляд, как шарф, — пока не аннулируется. А он аннулируется, милая, по таким основаниям, что ты сама будешь рада. Фиктивный брак, Полина. Никто тебя даже не спросит, ты там подпись поставила — вот и весь твой вклад. Считай, ты актриса, сыграли роль — вот и слава Богу, разошлись по гримёркам.

Она говорила и говорила, а я стояла и держала в руках картонную коробку, в которую грузчики складывали мои вещи. Мой свитер. Мои книги. Мой степлер. Бытовая конкретика катастрофы: свитер, книги, степлер.

У двери подъехала машина, и из неё вышла Инга Морозова. «Деловая партнёрша» Максима — я видела её трижды за пять лет, на приёмах, где она стояла рядом с ним на полшага ближе, чем позволяют чужие жёны. Высокая, собранная, костюм с идеально выглаженной стрелкой — стрела на её брюках была ровнее моей жизни.

— Полина, — кивнула она без улыбки. Такие не тратят улыбок на объекты, которые уже списаны.

— Инночка, подожди в машине, — мягко сказала Лариса.

— Я в другую, — ответила Инга и не двинулась с места.

Тогда подъехал сам Максим. Он вышел из машины, окинул взглядом коробку, грузчиков, меня — и я увидела, как он вздохнул с облегчением. Не притворился — вздохнул, вот здесь, в груди, глубоко, как человек, наконец сдавший отчётность.

— Пройдём, — сказал он и повёл меня на кухню, где мы завтракали пять лет.

На столе лежали два листа. Один — официальная бумага с гербовой папкой. Второй — письмо, отпечатанное через строку, будто автор стеснялся своего почерка.

— Это отказ от претензий к фирме и согласие с аннулированием, — сказал Максим. — Подпишешь — и всё закончится за неделю, без судов, без публичности. Твоё имя вообще не всплывёт. Мне нужно, чтобы ты подписала одно письмо, Полин. Одно. Ради семьи.

— У нас нет семьи, — сказала я. — У нас была схема. Я читала схему.

В дверях кухни стояла Инга — «случайно» не ушла к машине — и слушала. Максим заметил её слишком поздно и слишком слабо поморщился.

— Ты не понимаешь, — он понизил голос. — Это серьёзные люди. Если ты откажешься, они подумают, что ты что-то знаешь. Хочешь, чтобы из-за твоего упрямства с тобой что-то случилось?

— Хочу, чтобы ты посмотрел мне в глаза, — сказала я. — Один раз. И сказал, что из этих пяти лет хоть что-то было правдой.

Он посмотрел. Долго. И я поняла страшное: он не врал и сейчас. Он действительно не мог вспомнить ни одной правды — и его это не ранило. Он просто не нашёл нужной строки в своей таблице и пожал плечами.

— Подпиши письмо, Полина.

— Нет, — сказала я. — Первый раз за пять лет я говорю тебе нет, и заметь — без услуг твоих юристов.

Я взяла коробку. Мой свитер, мои книги, мой степлер. В подъезде было холодно, на улице я поймала такси последними тремя сотнями наличных, которые нашлись в кармане зимней куртки, и поехала к подруге со словами «я всё расскажу по дороге, только есть хочу, я трое суток нормально не ела».

В десять вечера мне позвонил незнакомый номер с ближневосточным кодом.

— Билеты выкуплены, — сказал голос Халида. — Завтра в девять сорок. Аэропорт, выход четыре. Один человек встретит вас с табличкой «Беликова». Вас больше никто не ждёт, я правильно понимаю?

Я посмотрела на чужой потолок чужой комнаты, на сумку, в которой вся моя жизнь занимала тридцать литров.

— Правильно, — сказала я. — Впервые за пять лет — абсолютно правильно.

Глава 3. Тяжёлые двери

Самолёт сел, когда за иллюминатором плавилось золото — солнце падало в залив, и стекло в световом проёме горело так, что слезились глаза. Меня встретил человек с табличкой «Беликова», молчаливый, в сером, он вёз меня по белой магистрали мимо шпилей и кранов и ни разу не посмотрел в зеркало заднего вида на меня, пассажирку, — и от этой публичной незначительности мне стало спокойно. Табличка обещала аудиторию, а не расправу.

Дом, к которому мы подъехали, не был дворцом из каталогов. Он был тяжёлым. Резные двери высотой в два роста, песочного цвета стены, тишина такая, что слышно, как где-то внутри мерно, по-часовому, тикает вода в фонтане. Человек в сером провёл меня через прохладный зал с низким светом и оставил одну у стола для переговоров. На столе лежала папка. Одна. Я села и стала ждать так, как жду всегда: спина прямая, руки на коленях, лицо — нейтральная строка.

Он вошёл без предупреждения — просто дверь открылась, и вошёл человек, о котором я знала две вещи: «камень» и «палач». В жизни он оказался проще и страшнее. Невысокий — нет, рост был, но фигура не тянула на него внимания, внимание тянули руки и глаза. Спокойные руки. Взгляд, который читал, а не смотрел: я чувствовала, как он пробегает по мне, как по таблице, сверху вниз, строка за строкой, и где-то в середине останавливается.

— Полина Сергеевна. Садитесь. Чай или кофе?

— Ничего. Спасибо.

— Хорошо. Значит, начнём без ритуалов. — Он сел напротив и раскрыл папку. — Апрель прошлого года. Договор на поставку упаковочного оборудования, сумма, — он назвал цифру, от которой у меня на секунду потемнело в глазах, — и вот ваша подпись.

Он развернул лист ко мне. Я наклонилась. Моя подпись. Моя — я узнала бы её среди тысячи: с петлёй на «П», с нажимом на конце, я ставила её так со студенческой скамьи. Она стояла в графе «гарант семейных обязательств стороны экспортёра». Моя подпись гарантировала своим имуществом и репутацией контракт, о котором я слышала впервые.

— Я её не ставила, — сказала я ровно.

— Знаю, — сказал Халид.

Вот тут я подняла глаза. В первый раз за разговор — подняла и встретила его взгляд напрямую, и он позволил себе улыбнуться. Одним уголком рта. Клык был мягкий, но это был клык.

— Я взял этот договор в работу четыре месяца назад, когда у одного из моих аудиторов не сошёлся кернинг, — продолжил он. — Подписи подделывают сотнями способов, но живую подпись живого человека воспроизводят всегда с одной ошибкой: она слишком точна. Ваша — с неточностями. Вы держите ручку под углом, вы торопитесь на «Б», вы на «ов» ставите почти точку. Здесь — нет. Здесь меня копировали под линейку. Значит, подпись фальшивая. Значит, кто-то очень хотел, чтобы в этой схеме стояла женщина, которая доверяет мужу и никогда не станет смотреть её собственные гарантии. Это вы, Полина Сергеевна. Максим строил своё алиби из вас, как каменщик — из кирпича.

— Я знаю, — сказала я. — У него в сейфе лежит соглашение о фиктивном браке. Я читала.

Что-то в его лице дрогнуло — не удивление, нет. Удовлетворение. Как у человека, который рассчитал партию и получил ход.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда короче. В холдинге идёт внутреннее расследование. Мне нужен аудитор, которому не будет жалко ни одну из сторон. Вы — идеальный кандидат: вас обманывали пять лет, и вы теперь единственный человек на двух континентах, у которого

нет причин никому верить на слово. Вы будете перепроверять всё: документы, людей, меня. Особенно меня.

— А если мои выводы будут против вас?

— Тогда вы их подписываете и отдаёте совету холдинга, — сказал он просто. — Я плачу вам за правду, а не за лояльность. Правда против меня обойдётся мне дороже, зато остальным — я не поверю ни в какую правду, которая куплена дешевле.

Я сидела молча, слушая тиканье фонтана, и чувствовала, как внутри, под дном, начинает подниматься то, чего я не чувствовала три недели, — не облегчение даже, а опору. Пол под ногами. Пусть чужой, пусть в двух тысячах километров от дома, но пол.

— У меня нет паспорта, — сказала я. — Нет денег. Нет квартиры. Ваш холдинг — единственная дверь, и вы это знаете. Почему я должна не бояться, что за этой дверью вторая клетка?

Он выдержал мою паузу — и добавил свою.

— Потому что клетку не пускают к оружию, — сказал он. — А я сажаю вас за рабочий стол и даю доступ ко всем документам холдинга. Клетка не читает таблицы. Клетка сидит в таблицах. Решайте до ужина. Ужин в восемь, вы не обязаны приходить.

Он встал, и я — раньше, чем поняла, что делаю, — сказала ему в спину:

— Господин аль-Нахъян. Тот договор, с фальшивой подписью. Если я найду, кто её ставил, — мне не придётся соглашаться с советом, если выводы будут неудобные? Мне гарантируют его дело до конца?

Он остановился в дверях. Обернулся — медленно, и в этот момент я впервые увидела, почему его называли палачом: не за жестокость, за точность.

— Мадам, — сказал он, — вы только что поставили мне условие, стоя на моей территории, без паспорта и без денег. Поздравляю. Вы приняты.

Глава 4. Условия клетки

Мне дали комнату в восточном крыле — высокую, светлую, с окном в сад, где по жаре растекались пальмы, и с собственным рабочим столом, на котором к моему приезду уже стоял второй монитор и лежала пачка распечаток с наклейками на трёх языках. И дали правила. Правила выдал мне начальник безопасности холдинга, мужчина по имени Тарик с лицом, будто высеченным из того же песчаника, что и стены.

— Первое: вы не выходите за территорию без сопровождения. Никогда. Второе: после девяти вечера — только внутренние переходы. Третье: номера машин, имена гостей, маршруты — вас не касается, не спрашивайте. Четвёртое...

— Погоди, — сказала я. — Я аудитор или арестантка?

— Вы улика, мадам, — сказал Тарик без всякой злобы, и от этого было хуже. — Улику, которую обе стороны хотят спрятать, держат в опечатанном помещении. Считайте эту комнату опечатанным помещением с окном в сад.

Он вышел, и я осталась одна со своей опечатанной жизнью. Первый день я проработала молча — распечатки были входными остатками по «Восток-Логистик», и я щёлкала их, как орехи, восстанавливая историю: дата, контрагент, сумма, назначение платежа. На второй день мне открыли доступ в электронный архив, и к вечеру третьего дня я нашла её. Ту самую подложную проводку.

Она была красивая. Вот что я поняла, глядя на неё: подделку делает красивой аккуратность. Настоящий учёт шероховат, в нём опечатки и переносы. А эта проводка была гладкая, как айсберг: партия оборудования «списана в брак» на складе в свободной зоне, и в тот же день — тот же артикул, тот же вес — «принята на баланс» дочерней конторой, которая через две нити замыкалась на... меня. На мою фальшивую подпись в графе гаранта. Кто-то вёл эти полтора миллиона брака прямо через моё имя, как через несущую стену.

Я сидела до полуночи, разложив распечатки веером, и чувствовала одновременно восторг аудитора, нашедшего нитку, и холод на загривке. Нитка тянулась. Нитка всегда тянулась к кому-то живому.

В дверь постучали. На пороге стоял Халид — без сопровождения, в простых льняных штанах и белой рубашке с закатанными рукавами, с двумя стаканами. Он вошёл без приглашения — я отметила это — и поставил один стакан рядом с моей рукой. Внутри был холодный чай с чем-то пряным.

— Ты не выходила на ужин три вечера, — сказал он. — Кухня начала переживать.

— Я нашла проводку, — сказала я и подвинула веер бумаг. — Списана в брак — принята на баланс. Восемнадцатое ноября. Здесь чья-то аккуратная рука, и рука не Максима: он не умеет быть аккуратным, он умеет быть обаятельным. Аккуратность — это компаньон. Шестаков? У него техническое образование?

Халид взял лист. Читал он быстро, и я смотрела, как двигаются его глаза, и думала, что впервые в жизни сижу с мужчиной, который читает мои цифры, как музыку, — и мне не страшно.

— Шестаков, — подтвердил он. — Или тот, кто Шестакову платит. Продолжай.

— Продолжать пока нельзя, — сказала я. — Дальше по цепочке идут документы, которые я видела в сейфе. Если я права, схема — не разовая афера, а конвейер, и конвейер прикрывался моим браком. Каждая крупная партия — через мою фамилию, через мой «семейный статус», через мою несуществующую подпись. Я не свидетель, господин аль-Нахъян. Я несущая стена. И я хочу знать: пока я вскрываю стену — кто прикроет меня, если из-под её обломков полезут люди, которым я насвистела?

Он поставил стакан на стол. Медленно. И сказал — тихо, без нажима, отчего каждый новый запрет падал, как плита:

— Я. С этой минуты ты не выходишь из резиденции вообще, пока я не скажу. Твоя связь с внешним миром — этот стол и этот архив. Если тебе нужен визитер — он проходит через Тарика и через меня. Если тебе станет страшно — есть кнопка у кровати, за ней мой человек, а не охрана. И если кто-то из твоей прошлой жизни — муж, свекровь, кто угодно — появится ближе, чем на километр к этим стенам, я об этом узнаю раньше, чем они выйдут из машины.

— Это же клетка, — сказала я.

— Это стена, — поправил он. — Клетка держит внутри. Стена держит снаружи. Разницу ты почувствуешь, когда впервые за неё стукнутся.

Он ушёл, и я долго сидела над своими распечатками, остывший чай так и не выпила. За окном шумел сад, где-то далеко глухо, по-взрослому, выли двигатели ночного города. Улика не спрашивает, где жить. Улика лежит там, куда её положили.

Я легла спать в опечатанной комнате с кнопкой у кровати и перед сном — сама не заметив, когда это произошло, — поймала себя на том, что проверяю на прочность не стены, а слова: «стена держит снаружи». И не могла понять, что пугает меня сильнее: то, что это может быть ложь.

Или то, что это может быть правда.

Глава 5. Её таблицы поют

На пятый день я перестала вскрывать проводки и начала вскрывать систему.

Это разные вещи, и разница — как между тем, чтобы найти в супе чужой волос, и тем, чтобы понять, что суп варил человек, который делает это каждый вторник. Я вытащила из архива девять крупных партий за два года. Разложила по датам. И когда построила сводную таблицу — я делала её от руки, на листе ватмана, который выпросила у Тарика, потому что рука думает иначе, чем экран, — схема вышла на свет вся, с контурами, как рисунок под ультрафиолетом. Девять партий. Девять «списаний в брак». Одна и та же длина цикла — одиннадцать-тринадцать дней между списанием и появлением на балансе. Один и тот же коридор сумм. И в четырёх случаях из девяти в графе гаранта — моя фальшивая подпись. В пяти остальных — пусто: конвейер просто не считал нужным меня разрисовывать каждый раз. Меня использовали дозированно. Как приправу.

Я вынесла ватман в переговорную в девять утра — там по расписанию шло еженедельное совещание с советниками холдинга: семь мужчин в дорогих белых туниках и кимости, кофе, шёпот. Я вошла с ватманом под мышкой, и секретарь попытался меня остановить:

— Мадам, совещание начинается...

— Знаю, — сказала я. — Поэтому я здесь.

Халид сидел во главе. Он поднял глаза — и я читала по его лицу, как по приборной панели: сначала «чужая на закрытом совещании», потом взгляд упал на ватман, и панель переключилась. Он видел таблицы. Он научился их видеть за пять дней — я приносила ему каждый вечер распечатку, и он читал их молча, до конца, не переспрашивая.

— Господа, — сказал он негромко, и зал затих мгновенно, как затихает вода, когда в неё опускают камень. — Совещание отменяется. Все, кроме меня, могут быть свободны до обеда.

Семь мужчин в туниках поднялись. Семь взглядов прошли по мне — от ледяного до брезгливо-любопытного, — и один из старейшин, седой, с перстнем, задержался на Халиде с выражением, которое переводилось однозначно: «Ты слишком задаёшь цену этой женщине». Халид взгляда не взвесил — он его отпустил, как отпускают мелочь.

Двери закрылись. Мы остались вдвоём с ватманом между нами.

— Показывай, — сказал он.

Я показывала сорок минут. Он задавал вопросы — редкие, точные, как уколы шила: «Почему цикл растёт на осенних партиях?» — «Потому что инвентаризация, им нужно попадать в паузы между проверками». — «А вот здесь разрыв в три дня, объясни». — «Праздники. Ваш склад в свободной зоне работал по другому календарю». На четвёртый раз он перестал спрашивать и просто слушал, и я видела — вот честно, вот прямо в глаза видела — как человеку впервые за долгое время показывают правду, и он её пьёт.

Когда я закончила, он встал. Обошёл ватман по кругу, как обходят ценную вещь. И сказал:

— Мои аудиторы за четыре месяца построили три версии. Три красивые версии с презентациями. Ни одна не легла в одну таблицу. — Он повернулся ко мне. — Ты сделала это за пять дней. На ватмане. Фломастером.

— Фломастер не врёт, — сказала я. — Экран врёт красиво, а фломастер врёт некрасиво, поэтому на нём не врут.

И тогда он улыбнулся — впервые полностью, обеими половинами рта, и я отступила на полшага, потому что эта улыбка была не про веселье. Она была про голод. Он смотрел на мой ватман так, как иные смотрят на клад.

— У меня для тебя кое-что, — сказал он и вышел.

Он вернулся через десять минут с коробкой. Небольшой, перевязанный бечёвкой. Я развязала — и у меня перехватило дыхание, вот по-настоящему, в горле, по-глупому.

Это был мой калькулятор. Тот самый, старый, с ободранной кнопкой «восемь» и трещиной на крышке, который я купила на первом курсе и который исчез из моих вещей ещё в Москве, в коробках, которые таскала Лариса. Я думала, он пропал. Он лежал здесь, на этом столе, — отмытый, с новой батарейкой; я нажала «восемь» — она прожала мягко, её починили.

— Твои коробки прошли через склад холдинга, — сказал Халид. — Всё, что грузчики Ларисы вывозили из квартиры, задержали на границе имущества: по схеме вашего мужа там шли и другие вещи. Мы изъяли архив. Твой калькулятор лежал в коробке с надписью «канцелярия». Я приказал вернуть. Рабочий инструмент аудитора не должен быть трофеем.

Я держала эту дрянную пластиковую машину двадцать лет и в этот момент чуть не разревелась перед шейхом, и это было бы ужасно, поэтому я сделала единственное, что умела, — раскрыла её, вбила двенадцать на восемь и показала ему дисплей.

— Девяносто шесть, — сказала я севшим голосом. — Всё работает.

— Я вижу, — сказал он серьёзно. И добавил, уже в дверях: — Обед в час. Приходи голодной. И, Полина... ватман повесь в своей комнате. Тебе скоро понадобится втрое больше места. Следующий слой схемы — не партии. Следующий слой — люди.

Дверь закрылась. Я осталась стоять с калькулятором в руках и с улыбкой, которую не могла убрать, — дура дурой, тридцать лет, а улыбаюсь в пустую переговорную, как школьница. Пять дней назад я была коробкой в чужом подъезде.

Я повесила ватман над столом. Он смотрел на меня девятью списаниями и двумя контурами, и в самом низу, где кончалась схема, оставалось белое пятно — то место, куда схема ещё не дотянулась, но дотянется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.